

МОРАЛЬНЫЙ ВРЕД: СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ

Владимир ПРИМАК,

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник
НИИ частного права и предпринимательства имени Ф. Г. Бурчака
Национальной академии правовых наук Украины

Summary

In the article moral damages is seen as a specific legal phenomenon, a precondition for the application of the proper measure of civil liability. Analyzed the essence (legal nature and functionality), content (qualitative determination) and forms (ways of outside objectification) for moral damages. Attention is focused on the differences in the functioning of the mechanisms of compensation for material and moral damages and the decisive importance of moral and legal principles of fairness, reasonableness and good faith in the legal regulation of relations arising in connection with the recovery of compensation for wrongfully causing moral damages.

Key words: moral damages, material and moral consequences, offense, justice, reasonableness, good faith, essence, content, form.

Аннотация

В статье моральный (неимущественный) вред рассматривается как специфическое правовое явление, непереносимое условие для применения соответствующей меры гражданско-правовой ответственности. Анализируется сущность (правовая природа и функциональное назначение), содержание (качественная определенность) и формы проявления (способы внешней объективизации) морального вреда. Акцентируется внимание на различиях в функционировании механизмов возмещения материального и морального вреда, а также решающем значении морально-правовых начал справедливости, разумности и добросовестности в правовом регулировании отношений, возникающих в связи с взысканием компенсации за неправомерно причиненный моральный вред.

Ключевые слова: моральный вред, материальные и неимущественные последствия, правонарушение, справедливость, разумность, добросовестность, сущность, содержание, форма.

Постановка проблемы. Отправным моментом в исследовании возмещения морального вреда, как способа защиты гражданских прав и интересов, естественным образом предстает определение сущности, содержания и конкретных форм возможного существования последнего. Ясность в затронутом вопросе предопределяет, среди прочего, возможность: а) установления фактического наличия объективных условий, необходимых для применения надлежащей меры гражданско-правовой ответственности; б) вычленения разумных (объективно обусловленных характером причиненного вреда) критериев определения размера ответственности обязанного лица.

Актуальность темы исследования. Вопрос о сущности, содержании и возможных формах существования морального вреда относится к числу наиболее животрепещущих, поскольку то или иное его решение неизбежно сказывается на уровне защищенности субъективных гражданских прав участников правоотношений. Прежде всего, конечно же, речь идет о широте сферы применения соответствующего способа гражданско-правовой защиты, его доступности и эффективности.

Кроме того, четкое представление о сущности (правовой природе и функ-

циональном назначении), содержании (устойчивых качественных признаках) и формах (способах внешнего проявления) морального вреда позволяет законодателю, судам и участникам гражданских отношений не увязнуть в бесконечном разнообразии смежных или же, напротив, совершенно тождественных терминов, используемых для обозначения одного и того же правового явления, суть и форма существования которого, по нашему мнению, чрезвычайно точно передается общепринятой формулой «моральный (неимущественный) вред».

Состояние исследования. Различные аспекты механизма функционирования такого способа защиты гражданских прав и интересов, как возмещение морального вреда, стабильно находятся в фокусе внимания ученых различных специальностей [1]. Вместе с тем, как ни странно, в научных исследованиях, посвященных указанной тематике, чрезвычайно мало внимания уделяется разграничению сущности, содержания и форм объективного воплощения морального вреда. Соответственно, он нередко предстает не как правовое явление, юридическая квалификация тех или иных фактических последствий правонарушения, а как конечный пункт развития причинно-следственных связей, имеющих иногда весьма отдален-

ное отношение к правовой регламентации (в том числе к юридически значимой обусловленности) и социальному регулированию вообще. В результате растет число предложений относительно вычленения все новых «видов» вреда, искусственного разграничения морального и неимущественного вреда, а вопросы его доказывания и критериев установления размера денежной компенсации за причиненный моральный вред перемещаются в отличные от юриспруденции области знаний.

Учитывая изложенное, **целью представленной статьи** является выявление сущности, содержания и форм существования морального вреда, как своеобразного явления правовой действительности, обязанного своим признанием все более активному взаимодействию морали и права.

Изложение основного материала. Основой предлагаемого нами методологического подхода к определению сущности подлежащего возмещению морального вреда является выделение функций связанного с ним способа защиты гражданских прав и отграничение целей применения последнего от целей, преследуемых правовыми средствами, выполняющими аналогичные функции. Главным образом, речь идет о специфичности возмещения морального вреда как меры граждан-

ско-правовой ответственности, которая системно выполняет, по крайней мере, две функции, именуемые чаще всего как компенсационная и превентивная.

При этом решающим критерием для размежевания тесно взаимодействующих правовых механизмов возмещения материального и морального вреда выступает отсутствие какой-либо закономерной корреляции между нарушенным личным неимущественным благом и причитающейся потерпевшему компенсацией, что, в свою очередь, объясняет невозможность реализации в рамках правоотношений по возмещению морального вреда присущего институту гражданской ответственности в целом принципа полного возмещения причиненного вреда. Таким образом – через указание на личное неимущественное благо как конечный объект правонарушения – происходит и содержательное обособление морального вреда как качественно определенных и неустраняемых на эквивалентных началах последствий нарушения личных неимущественных прав и благ. В связи с этим содержанием морального вреда целесообразно считать именно подлежащие компенсации неимущественные последствия нарушения субъективного гражданского права потерпевшей стороны. Благодаря формальной интерпретации морального вреда с помощью простого противопоставления вреду материальному, имущественному, первый из упомянутых видов вреда при доказывании его наличия, как обязательного условия внедоговорной ответственности, может представлять в форме любых существенных для потерпевшей стороны компенсируемых негативных последствий правонарушения, отличных от пригодных для выражения в непосредственно стоимостной форме материальных потерь, которые конституируют имущественный вред.

Но как же относиться к предложениям относительно выделения разного рода специальных разновидностей неимущественного вреда – физического, органического, телесного, медицинского, информационного, а также к идеям о размежевании морального и неимущественного вреда в зависимости от принадлежности потерпевшего субъекта к физическим или юридическим лицам, переименовании морального вреда, причиненного физическому лицу, во вред психологический? При оценке такого

рода предложений решающее значение, наряду с моральной обусловленностью законодательного закрепления возмещения морального вреда как способа гражданско-правовой защиты, имеет то обстоятельство, что во всех возможных ситуациях с помощью института внедоговорной ответственности возмещению подлежат исключительно два вида вреда – материальный и моральный, которые при рассмотрении их сквозь призму условий для применения надлежащих мер гражданской ответственности предстают как два самостоятельные правовые явления, одно из которых напрямую связано с нарушенным материальным благом, а другое – с нарушенным личным нематериальным благом.

Отметим попутно, что стремление выделить дополнительные виды вреда, соответствующие конкретной сфере проявления негативных последствий правонарушения, наблюдаются и в правовой доктрине некоторых зарубежных стран. Так, во Франции различают материальный, телесный и моральный вред [2, с. 907]. Однако такое разделение не трансформируется в сколько-нибудь значимые для субъектов права предписания, так как вопрос ответственности за тот же телесный вред рассматривается не обособленно, а в контексте возмещения связанного с ним либо материально, либо морального вреда.

Материальная компенсация, выплачиваемая за причиненные потерпевшему лицу неимущественные потери, не способна устранить их, а потому размер этой компенсации и собственно необходимость ее взыскания определяются преимущественно с точки зрения моральной оценки сути и конкретных обстоятельств правонарушения, его предполагаемых последствий. Это позволяет говорить о непосредственном регулятивном влиянии принципов справедливости, разумности и добросовестности как своего рода квинтэссенции моральных основ общества и материальной, сущностной, характеристики естественного права. Причем нет оснований ограничиваться одним только их использованием в целях защиты прав и законных интересов потерпевшего, поскольку одновременно и сами упомянутые морально-правовые императивы предстают как важнейшие объекты правовой охраны. То есть тут происходит нехарактерное для других

мер гражданской ответственности переплетение частных и общественных интересов, объектами которых являются субъективные и объективные представления о надлежащих проявлениях справедливости, разумности, добросовестности, рассматриваемые, с одной стороны, в контексте юридической квалификации осуществленного правонарушителем посягательства на права потерпевшего, а с другой стороны – в разрезе установления права на получение компенсации, а также определения ее размера. Одновременно первичным (и непосредственным) объектом противоправного посягательства со стороны нарушителя остается принадлежащее потерпевшему личное неимущественное благо.

Изложенное позволяет говорить о сущности морального вреда как об обусловленности его юридического значения (как условия применения адекватной характеру совершенного противоправного посягательства меры гражданско-правовой ответственности), а также возможности определения размера причитающейся потерпевшему лицу компенсации морально-правовой оценкой правонарушения и возникших в неимущественной сфере потерпевшего отрицательных последствий.

При этом, исходя из практики Европейского суда по правам человека (имеется в виду широко практикуемое этим органом признание достаточности для компенсации причиненного заявителю морального вреда самой констатации нарушения государством-ответчиком Конвенции о защите прав человека и основополагающих свобод), дополнительным качественным критерием наличия подлежащего компенсации морального вреда целесообразно признать его сущность. Потому общий подход к вопросу установления факта наличия морального вреда как основного условия, необходимого для возникновения субъективного гражданского права на получение соответствующей компенсации, должен формироваться, исходя из обоснованного убеждения о причинении действительно существенного вреда, требующего возложения на должника гражданско-правовой ответственности, размер которой будет необходимым и достаточным для восстановления веры в незыблемость императивов справедливости, разумности и добросовестности.

Наконец, поскольку ведущей функцией гражданско-правовой ответственности небезосновательно признается компенсационная, ключевым вопросом в поиске адекватных подходов к определению справедливого размера возмещения морального вреда является выявление тех конкретных неимущественных потерь потерпевшего, устранение или минимизация которых требует наложения на субъекта ответственности имущественного взыскания, непосредственно не связанного с возмещением сугубо материального вреда. То есть речь идет о формах объективного проявления морального вреда, разумно обоснованное предположение о наличии которых свидетельствует о существовании первичного условия для применения надлежащей меры гражданской ответственности.

В зависимости от ориентации на сущность, содержание или конкретные формы морального вреда, а также целей правовой политики в сфере регулирования охранительных гражданских отношений законодательство, судебная практика и правовая доктрина разных стран по-разному закрепляют и право потерпевшего на применение соответствующего способа правовой защиты – это может быть предельно обобщенное указание на право требовать возмещения морального, или неимущественного, вреда (ущерба) либо вообще любого вреда, причиненного личности, в то же время не исключается конкретизация тех или иных проявлений негативных неимущественных последствий правонарушения. Естественно, обобщающая характеристика такого рода вреда потенциально способна обеспечивать наивысший уровень защищенности личных неимущественных благ. Но одновременно она предполагает и наибольшую степень судебного усмотрения при рассмотрении исков о взыскании компенсаций за посягательства на упомянутые объекты правовой охраны. Потому при неразвитом правосознании носителей судебной власти такой подход таит в себе немало опасностей.

Украинский законодатель, например, избрал более предсказуемую, конкретизированную модель регулирования отношений по возмещению морального вреда. Она отличается детализацией объективных проявлений негативных неимущественных последствий правонарушения, в связи с наличием которых

у потерпевшего и возникает право применить анализируемый способ защиты гражданских прав: в ст. 23 ГК Украины моральный вред отождествляется с присутствием таких факторов, как физическая боль, душевные и физические страдания, унижение чести, достоинства и деловой репутации. Поименованные формы морального вреда приурочиваются к определенным противоправным посягательствам на широкий круг не только личных неимущественных, но и материальных благ. В частности, речь идет об увечье или других повреждениях здоровья, противоправном поведении относительно физического лица, членов его семьи или близких родственников, уничтожении и повреждении имущества физического лица.

Таким образом, в действующем ГК Украины в значительной мере реализована концепция определения форм проявления морального вреда через страдания и переживания индивида. В то же время в науке широко распространено видение морального вреда как негативных последствий, которые непосредственно вытекают из страданий, обусловлены ими [3, с. 200–201]. Мы же придерживаемся той точки зрения, что между очерченными взглядами нет непреодолимого противоречия – в том понимании, что формами воплощения морального вреда являются и страдания, и их коммуникативные, поведенческие последствия, ухудшение качества жизни в целом, что, кстати, в определенной мере подтверждается и опытом некоторых зарубежных стран [4], и моделями правового регулирования, которые прослеживаются в отдельных законодательных актах Украины (например, ст. 237-1 Кодекса законов о труде Украины гласит: «Возмещение собственником или уполномоченным им органом морального вреда работнику проводится в случае, если нарушение его законных прав привели к моральным страданиям, потере нормальных жизненных связей и требуют от него дополнительных усилий для организации своей жизни»).

Выводы. Вышеизложенное дает основания сделать следующие выводы.

1. Наиболее целесообразным определением морального вреда является дефиниция, построенная на основании его условного противопоставления материальному вреду, а принципов его компенсации – присущему механизму возме-

щения имущественного вреда принципу полного возмещения материальных потерь потерпевшего.

2. Юридически значимыми формами воплощения морального вреда следует признавать все возможные проявления причиненных потерпевшему неимущественных потерь, которые подлежат компенсации не на эквивалентных началах естественной соразмерности объектов нарушенных регулятивных и возникших охранительных правоотношений, а непосредственно в силу требований справедливости, разумности и добросовестности, то есть в связи с признанием государством своей морально-правовой обязанности гарантировать компенсационную защиту личных неимущественных благ потерпевшего лица и связанных с ними моральных императивов, выступающих в качестве непосредственных объектов правовой защиты.

3. Сущностью морального вреда, как явления правовой действительности, можно считать обусловленную преимущественно морально-правовыми велениями справедливости, разумности и добросовестности, подлежащую формальному признанию со стороны законодателя или суда необходимость предоставления потерпевшему за счет субъекта ответственности имущественной компенсации, отличной от форм компенсации материального вреда; содержанием морального вреда – потенциально компенсируемые негативные неимущественные последствия правонарушения, которые не подлежат компенсации в рамках правоотношений по возмещению материального вреда, а формами проявления морального вреда – страдания и переживания физических лиц, унижение достоинства, чести, деловой репутации, личностно обусловленные трудности в функционировании юридических лиц и любые другие способы отражения в нематериальной составляющей объективной реальности последствий отрицательного воздействия противоправного посягательства на принадлежащие субъекту права личные неимущественные блага.

4. Выявление охарактеризованной нами сущности морального вреда свидетельствует об определяющей ценностно-ориентирующей роли моральных детерминант в построении и функционировании правового механизма возмещения неимущественных потерь участ-

ников гражданских отношений, а также недопустимости сведения роли морали к выполнению сугубо вспомогательных функций в процессе осуществления интерпретационной деятельности в области права. Напротив, в демократическом обществе именно мораль призвана задавать главный вектор развития правовой материи, побуждая законодателя и судебную власть ориентироваться на начала справедливости, разумности, добросовестности как основные целеполагающие императивы для создания и применения адекватных потребностям участников гражданских отношений механизмов правового воздействия.

Список использованной литературы:

1. См., например: Палиюк В.П. Возмещение морального (неимущественного) вреда: монография / В.П. Палиюк. – 2-е изд., испр. и доп. – К.: Право, 2000. – 272 с.; Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики / А.М. Эрделевский. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 320 с.; Первомайский В.Б. Судебная экспертиза по делам о причинении морального вреда [Электронный ресурс] / В. Б. Первомайский. – Режим доступа: <http://www.psychiatry.ua/books/spe/paper19.htm>.
2. Терновая О.А. Франция. Параграф 2. Возникновение обязательства по причинению вреда. Глава 8. Обязательства, возникающие из причинения вреда / О.А. Терновая // Основные институты гражданского права зарубежных стран / отв. ред. В.В. Залесский. – М.: Норма, 2009. – С. 906–909.
3. Шимон С.І. Відшкодування моральної (немайнової) шкоди як спосіб захисту цивільних прав / С.І. Шимон // Цивільне право України. Загальна частина: підручник / за ред. О.В. Дзери, Н.С. Кузнецової, Р.А. Майданика. – 3-те вид., перероб. і допов. – К.: Юрінком Інтер, 2010. – С. 198–207.
4. Гайдаенко Шер Н.И. Италия. Параграф 5. Способы возмещения причиненного вреда. Глава 8. Обязательства, возникающие из причинения вреда / Н.И. Гайдаенко Шер // Основные институты гражданского права зарубежных стран / отв. ред. В.В. Залесский. – М.: Норма, 2009. – С. 947–948.

РОЛЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Ольга СИМСОН,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права № 2
Национального университета «Юридическая академия Украины
имени Ярослава Мудрого»

Summary

This article examines the experience in the management of innovation activities in developed countries and in the countries with developing economics. The approaches to determining and managing innovations, innovation activities, innovation relationship are evaluated here in the comparative-legal vein. In the article there is argued the position regarding the role of the legislation in developing countries with weak innovation system. The state of the legislation in the CIS countries on innovation activities on the subject of their compliance with the latest trends of European innovation policy and international standards in the sphere of innovation are subject of the analysis.

Key words: legislation, regulatory model, innovations, innovation activities, types of innovations, national innovation system.

Аннотация

В статье анализируется опыт регулирования инновационной деятельности в развитых государствах и странах с развивающейся экономикой. В сравнительно-правовом ключе оцениваются подходы в определении и регулировании инноваций, инновационной деятельности, инновационных отношений. Аргументируется позиция относительно роли законодательства в развивающихся странах со слабой инновационной системой. Особому анализу подвергается состояние законодательства стран-участниц СНГ об инновационной деятельности на предмет соответствия последним трендам европейской инновационной политики и международным стандартам в инновационной сфере.

Ключевые слова: законодательство, модель регулирования, инновации, инновационная деятельность, виды инноваций, национальная инновационная система.

Постановка проблемы. Сфера инноваций в мире очень динамично развивается и находится в состоянии перманентных изменений. В Европейском сообществе до сих пор не сложилось устоявшееся *acquis communautaire*, регулирующее инновационную деятельность. Основными документами в этой сфере остаются программы, определяющие политические приоритеты инновационного развития, и руководства, посвященные вопросам измерения инновационной активности. Главным методологическим документом, который дает ключ к пониманию инновационных процессов, является Руководство Осло, разработанное совместно организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Европейским комитетом статистики. Данное Руководство широко применяется как для стран-участниц ОЭСР, так и для стран Восточной Европы, Латинской Америки, Азии, Африки, не являющихся членами этой организации. Инновации в развитых странах находятся в сфере так называемого «мягко-

го права» и опираются в значительной степени на «неформальную практику». Между тем опыт стран постсоветского пространства демонстрирует последовательную тенденцию наращивания нормативно-правовой базы регулирования инновационной деятельности. Возникает вопрос: необходимо ли государственное регулирование инновационной сферы посредством установления законодательных норм или она должна быть дерегулируемой зоной.

Актуальность темы. Описывая инновационный ландшафт в развивающихся странах, Руководство Осло указывает на опасность неформального подхода к организации инновационных процессов. Во-первых, в отсутствие развитой конкурентной среды государственные программы научно-технического развития и регулирующие меры могут влиять на инновационную активность сильнее, чем частная инициатива. Во-вторых, законодательство позволяет добиться соблюдения единых подходов к осуществлению инновационной деятельности, что позволя-